

О.И. ВЕНДИНА

ГОРОДА НА ГРАНИЦЕ:

ИСПЫТАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ.

ГОРОДА НА СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

(ЧАСТЬ 2)

Urban Studies and Practices Vol.1 #4, 2016, 7-25
<https://doi.org/10.17323/usp1420167-25>

Введение

Актуальная российская ситуация кардинально отличается от той, что была в эпоху Российской империи. Сегодня речь не идет о территориальной экспансии, скорее говорится о «сжатию» контролируемого Российским государством пространства, сокращения ресурсов геополитического влияния и недостаточной эффективности их использования² [Цымбурский, 1993; Мельвиль и др., 2009; Трейвиш, 2009; Гранберг, 2011; Коткин, 2016]. Города бывших национальных окраин империи находятся за пределами Российской Федерации, являясь либо столицами, либо значимыми региональными центрами других стран. Метафора «границы на замке», характеризовавшая закрытость советского государства, отошла в область истории. Сегодня значительная часть российской границы относительно прозрачна, на многих ее участках установлен безвизовый режим, способствующий активным перемещениям людей и товаров. «Новое» российское пограничье, возникшее после распада СССР, не отличается высокой контрастностью состава населения и условий его жизни — на всем лежит печать советского времени, а «старое» — унаследованное от СССР — характеризуется давно выстроенным балансом этногрупповых, государственных и геополитических интересов. Казалось бы, постсоветские условия не долж-

Автор: Вендина Ольга Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Аннотация

Во второй части статьи (ч. 1 см. в № 3 (2016)) автор рассматривает ситуацию, сложившуюся в современном российском пограничье, — в городах Владивостоке, Хабаровске, Астрахани, Ростове-на-Дону, Белгороде и Калининграде. В постсоветские годы все перечисленные города были миграционными магнитами и одновременно отдавали «свое» население центральным, южным и западным регионам РФ, а также за рубеж. Разнонаправленные миграционные процессы приводили к структурным сдвигам в составе населения, его «постарению» или «омоложению», появлению новых этнокультурных групп, замещению «своих» приезжими. Основное внимание в тексте уделено анализу персональных ценностей горожан, иерархии ценностных приоритетов. Автор задается вопросом, в какой мере представления жителей приграничных городов РФ, испытывающих на себе как позитивное, так и негативное влияние соседства с другой страной, поддерживают установившийся социальный порядок, а в какой способны подорвать его в силу миграционных процессов, роста этнокультурного разнообразия, распространения ксенофобии и недовольства жизнью.

Ключевые слова: плюрализм; этнокультурное разнообразие; приграничные города; миграции; Российская Федерация; Владивосток; Хабаровск; Астрахань; Ростов-на-Дону; Белгород; Калининград

ны были нести в себе зерен конфликтов и серьезных противоречий, ареной которых могли бы стать приграничные города. Напротив, на их долю выпадала примиряющая функция возобновления контактов с соседними странами и восстановления нарушенного социально-экономического пространства.

Однако такое предположение оказалось справедливым лишь отчасти. Результатом политики национально-государственного строительства в постсоветских государствах стал массовый отток русского и русскоязычного населения. Большинство постсоветских элит полагало, что условием политической лояль-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ): проект № 15-18-00064 «Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России» (раздел «Города российской империи») и проект № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства» (раздел «Города на современных границах РФ»).

² Пример Крыма, как ни парадоксально, скорее подтверждает этот тезис, нежели опровергает его.

ности населения является сильная национальная идентичность, зависящая от степени этнической однородности [Вавилова и др., 2014; Meleshkina, 2010; Вишневский, 2000; Арутюнян, 1999]. В Российской Федерации появились беженцы и вынужденные переселенцы из соседних стран. Вслед за первой волной «возвратной» миграции русских нахлынула вторая: в Россию, где экономическая ситуация, несмотря на все проблемы, была несколько лучше, поехали трудовые мигранты из сопредельных стран, в их составе преобладали титульные этносы. Приграничные города как «миграционные ворота» не только пропускали этот поток вглубь страны, но и принимали многих мигрантов, которые переносили свой привычный образ жизни на новое место. Культурная неоднородность советского общества, казавшегося столь унифицированным, ярко проявилась в новых обстоятельствах.

Население приграничных городов Российской Федерации также не было пассивным участником миграционных процессов, наблюдая за ними из окна. Решая свои проблемы, люди поехали за рубеж, у них появилась возможность сравнить ситуацию «там» и у себя дома. Возникли трансграничные рынки труда, жилья и потребления. Расцвела контрабанда и теневая экономика, создавшая почву для криминализации и одновременно социально-экономической стабилизации местной жизни: доходы от челночной торговли помогали людям выживать, сохранять достигнутый уровень потребления и способствовали накоплению первичного капитала. Жителям приграничных городов вольно или невольно пришлось вступать в контакты с многочисленными носителями других культур, представлений, морали и моделей поведения, определять для себя «новое» место в мире, утратившем привычность, пересматривать свой статус и позицию. Одновременно с индивидуальной адаптацией к меняющимся условиям жизни им предстояло стать «принимающим обществом», коллективной душой города, проявляющей склонность к социальной солидарности, толерантности и признанию прав «чужих». Качества — не слишком востребованные раньше, особенно если вспомнить, что города на современных границах Российской Федерации были в советское время либо полузакрытыми в силу своего военно-стратегического положения, либо располагались во внутренних, преимущественно аграрных регионах СССР.

Все эти непростые испытания, несомненно, повлияли на настроения людей, трансформируя их взгляды и систему ценностей. Вопрос о характере этих изменений, об их влиянии на неустойчивый баланс интеграционных и дезинтеграционных процессов в городских сообществах, особенно в условиях растущего этнокультурного разнообразия и непредсказуемости жизни, пока остается без удовлетворительного ответа. Чтобы приблизиться к нему, нами были выбраны приграничные города, расположенные в наиболее контрастных этнокультурных зонах. Это: Владивосток и Хабаровск на российско-китайской границе; Астрахань — город находится вблизи границы с Казахстаном на стыке культурных ареалов Поволжья и Прикаспийского региона; Ростов-на-Дону — близость к украинской границе сочетается здесь с близостью к Северному Кавказу; Калининград — центр российского анклава в ЕС, и Белгород — один из наиболее динамично развивающихся региональных центров Российской Федерации, составляющий с Харьковом пару разделенных границей, но тесно связанных городов. Контрастность этого рубежа возростала все постсоветские годы, как за счет проводимой символической политики, так и социально-экономических реалий [Zhurzhenko, 2010]. Все выбранные города обладают достаточно сложным этническим составом населения: наряду с русскими там проживают этносы, имеющие свою государственность в соседней стране или республике Российской Федерации, а также представители всех национальностей бывшего СССР.

Миграционное давление на приграничные города

В постсоветские годы перечисленные города были миграционными магнитами и одновременно отдавали «свое» население центральным, южным и западным регионам Российской Федерации, а также за рубеж. Разнонаправленные миграционные процессы приводили к структурным сдвигам в составе населения, его «постарению» или «омоложению», появлению новых этнокультурных групп, замещению «своих» приезжими. Эти изменения детально изучены демографами [Флоринская и др., 2014], поэтому обратимся к социологической стороне вопроса — «сохранности» городского социума, анализу представлений, настроений и намерений

Таблица 1. Роль миграций в формировании современного населения приграничных городов РФ и миграционные настроения их жителей*

	Влади- восток	Хабаровск	Астрахань	Ростов- на-Дону	Белгород	Калинин- град
Численность населения городов, 2016 г., тыс. человек	606,6	611,2	531,7	1119,9	387,1	456,6
Динамика численности населения городов: 2016/1992, %	93,6	99,4	103,8	109,0	123,3	111,8
<i>Скажите, Вы живете в городе с рождения или переехали сюда? Если переехали, то откуда?</i>						
Из Москвы	0	0	0	0	1	0
Из Санкт-Петербурга	0	0	1	0	0	0
Из города нашей области (края)	5	10	1	3	10	9
Из села (поселка, деревни) нашей области (края)	9	10	10	9	3	10
Из города другой области (края)	4	17	16	7	26	27
Из села другой области (края)	4	6	5	2	5	2
Из Украины	2	1	0	1	4	4
Из другой республики бывшего СССР	3	2	5	2	6	7
Из страны дальнего зарубежья	1	0	0	0	1	1
Живу с рождения	72	53	62	76	44	40
Затруднились ответить	0	0	0	1	1	0
<i>А Вы бы хотели или не хотели переехать из Вашего города в другое место? И если хотите, то куда именно?</i>						
В Москву	8	1	1	3	2	2
В Санкт-Петербург	7	5	2	0	1	2
В другой город нашей области (края)	0	1	0	0	1	0
В село (поселок, деревню) нашей области (края)	5	1	0	1	1	0
В город другой области (края)	2	19	5	1	1	2
В село другой области (края)	0	1	0	0	0	1
В страну ближнего зарубежья (бывшую республику СССР)	0	0	0	1	0	0
В страну дальнего зарубежья	3	7	5	4	2	7
Не хотел(-а) бы	72	61	85	88	89	77
Затрудняюсь ответить	1	5	0	4	3	9

*Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

людей. Многолетние региональные исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) позволяют проводить такие сопоставления, выбрав интересующие нас города из накопленного массива опросных данных³.

3 Автор приносит благодарность руководителю Аналитического отдела ФОМ Г.Л. Кертману за предоставленную информацию и помощь в ее обработке.

В наибольшей мере отток жителей сказался на сокращении численности населения городов Дальнего Востока (табл. 1). Во Владивостоке он был частично компенсирован лишь во второй половине 2000-х годов, благодаря включению в городскую черту пригородных населенных пунктов и «стягиванию» жителей Приморья в столицу края. Несмотря

на представление о Владивостоке как о городе моряков и мигрантов, среди его жителей преобладают владивостокцы во втором и третьем поколениях (72%). Этим людям никак нельзя назвать временщиками, но, судя по проводимым исследованиям, многие из них сохраняют психологию «временщиков», живя одним днем и демонстрируя ответственное отношение только к собственным усилиям в противовес обязанностям и долгу перед другими [Медведева, 2012; Кривошеев, 2009]. Эта ситуация усугубляется притоком переселенцев из сельской местности, малых и средних городов, трудовых мигрантов из Средней Азии, также сосредоточенных на решении собственных проблем в новой социальной среде.

Вместе с тем многие владивостокцы явно ценят преимущества своего города, выгоды его приграничного положения и не собираются никуда уезжать. Если уж предполагается сменить место жительства, то в качестве альтернативы выбирают Москву или Петербург. Другим сценарием является переезд в сельскую местность. Такие крайности свидетельствуют об определенном максимализме в выборе предпочтительного образа жизни: либо максимизация городских благ и статуса, либо осознанный отказ от них в пользу «природы». При этом по умолчанию предполагается, что владивостокцы способны реализовать и тот, и другой сценарий, что свидетельствует о высокой, чтобы не сказать завышенной, самооценке.

В Хабаровске — другом крупном дальневосточном центре, ситуация иная. Здесь стабильная численность населения в постсоветские годы поддерживалась значительным миграционным притоком городского (а не сельского) населения из Хабаровского края, соседних регионов Дальнего Востока, с Камчатки и Сахалина. Выходцы из села и трудовые мигранты из бывших советских республик оказали менее заметное влияние на хабаровский социум, чем на владивостокский. Одновременно шел процесс размывания сложившегося в советские годы сообщества хабаровчан. Молодые поколения все чаще стали связывать свое будущее не с родным городом, а с Петербургом, другими странами и региональными центрами. География выбора нередко предопределялась историей семьи: возвращение в «родной город» родителей или даже бабушек и дедушек, где еще сохраняются родственные связи, рассматривается как один из возможных сценариев миграции [Заусаев, Воронцова, 2007].

Отличительной чертой хабаровцев является их готовность к разовой взаимопомощи, которая сочетается с систематическим уклонением от сотрудничества на постоянной основе. Причиной и следствием такой ситуации является очень низкий уровень межличностного доверия, характерный для обоих городов российского Дальнего Востока (табл. 2).

Астрахань — безальтернативный центр Астраханской области, в городе проживает более половины ее населения. Как и все крупные города юга России, Астрахань испытала на себе значительное миграционное давление: вначале это были стрессовые возвратные миграции первого постсоветского десятилетия, затем в город поехали выходцы из трудноизбыточных прикаспийских регионов — российского Северного Кавказа, Казахстана и Азербайджана, позже к ним присоединились выходцы из Средней Азии. Однако неразвитый рынок труда Астрахани и низкие доходы населения способствовали тому, что город стал транзитным для трудовых миграций. Экономические проблемы города способствовали тому, что и сами астраханцы отправились на заработки в другие регионы страны. Но поскольку подавляющее большинство астраханцев никуда не собирались уезжать из Астрахани (табл. 1), цена ее историческое прошлое, южный колорит, близость дельты Волги и Каспийского моря, то распространение получило многомесячное «отходничество». Совокупность факторов транзитности города, роста численности представителей новых диаспор и циклических трудовых миграций самих астраханцев негативно отразилось на настроениях местного населения, способствуя его фрустрации, усилению разобщенности и снижению уровня доверия.

Ростов-на-Дону из всех выбранных нами приграничных городов характеризуется наименее эродировавшим социумом: 76% его жителей — это «коренные» ростовчане, и 88% — никуда не собираются переезжать. Армяне, которые в Ростове являются коренным населением, по-прежнему составляют вторую по численности этническую группу после русских⁴. Мало изменились и демографические

4 Современный Ростов-на-Дону сложился как агломерация Ростова, выросшего вокруг крепости и таможни, заложенных в XVIII в., и Нахичевани — города, основанного армянами, переселившимися из Крыма по приглашению Екатерины II примерно в то же время. Постепенно Ростов-на-Дону включал в свою черту и другие населенные пункты.

Таблица 2. Отношение к лицам других национальностей и оценка их вклада в развитие города

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
<i>Скажите, есть ли в Вашем городе приезжие других национальностей? И если есть, то их присутствие, по Вашему мнению, приносит больше пользы или больше вреда? Или не приносит ни пользы, ни вреда?</i>						
Приезжих других национальностей нет	3	0	1	0	7	0
Больше пользы	11	33	5	20	16	18
Больше вреда	64	39	60	48	54	50
Ни пользы, ни вреда	17	22	27	24	20	18
Затрудняюсь ответить	6	6	8	8	4	13
<i>По Вашему мнению, следует или не следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в нашу область и город?</i>						
Следует	81	86	78	73	65	74
Не следует	7	11	16	20	31	14
Затрудняюсь ответить	12	3	5	7	4	12
<i>Некоторые люди испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. А Вы лично испытываете или не испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности?</i>						
Испытываю	57	23	25	33	29	46
Не испытываю	35	75	73	66	68	47
Затрудняюсь ответить	8	3	2	1	3	7
<i>Там, где Вы живете, за последний год случались или не случались конфликты между людьми разных национальностей?</i>						
Случались	26	21	44	44	19	29
Не случались	66	71	50	44	78	50
Затрудняюсь ответить	7	8	6	12	3	21
<i>Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или с людьми следует быть осторожными?</i>						
Большинству людей можно доверять	25	12	39	36	46	31
В отношениях с людьми следует быть осторожными	71	88	56	64	53	66
Затрудняюсь ответить	3	1	4	1	1	2
Место, занимаемое проблемой «приезжих и мигрантов» в рейтинге городских проблем	10	20	19	18	15	11

*Источник: Региональные опросы проекта Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, ноябрь 2013 г.

тренды: в постсоветские годы рост населения города, как и раньше, происходил за счет соседских миграций, в ареал которых входит Северный Кавказ и Украина. Фактором, наиболее дестабилизирующим жизнь города, стала близость к «горячим точкам», сначала на Кав-

казе, затем — на Украине. В 1990-х и начале 2000-х годов основные алармистские прогнозы связывались с ростом северокавказских диаспор [Суций и др., 2014]. Сегодня влияние этого фактора проявляется преимущественно в значительной учебной миграции.

С началом учебного года кавказская молодежь пополняет ряды ростовских студентов и их товарищей; с ее привычками к маскулинной социализации связываются опасения возникновения конфликтов в городе. С 2014 г. большое влияние на город оказывает вооруженный конфликт в Донбассе. Падение уровня жизни населения приграничных районов Украины, наличие значительного потока беженцев, вынужденных и трудовых мигрантов провоцируют социальное «трение», взаимное недовольство россиян и украинцев. Россияне полагают, что украинцы требуют для себя необоснованных привилегий, а украинцы видят в россиянах виновников своих проблем. Характерным для Ростова является и дистанцирование его жителей как от сторонников разрозненных националистических движений, объединенных идеей «русского мира», так и от казачества. Само представление о казаках связывается со станичной, а не с городской культурой [Озеров, 2015; Сериков, 2013].

Белгород — по-своему уникален. В советские годы он был очень тихим провинциальным городом, напоминая скорее сельский пригород столичного Харькова, нежели центр экономически развитой промышленной области, где располагались основные железорудные добывающие и перерабатывающие предприятия Курской магнитной аномалии. Тем разительнее произошедшие перемены: в постсоветские годы не только значительно выросла численность населения Белгорода, но и качественно изменился его состав. Знаковыми событиями стало строительство университета и привлечение многочисленных квалифицированных специалистов из других регионов страны. Это редкий случай, когда в благоприятной по климатическим условиям южной аграрной зоне, где еще сохраняется значительное сельское население, основной миграционный поток в областной центр формировали не выходцы из соседних сел и деревень, как предписано законами урбанизации, а жители других крупных региональных центров, включая Харьков. Белгород оказался привлекательным и для трудовых мигрантов из бывших советских республик. Обосновавшись в городе и ценив его экономическое благополучие, благоустроенность, развитый рынок труда и выгоды приграничного положения, и «новые», и «старые» белгородцы никуда не хотят уезжать. Необычной на фоне других городов российского пограничья является и атмосфера большего доверия, сло-

жившаяся в городе: почти половина его жителей полагает, что «большинству людей можно доверять». Конечно, свое влияние на этот показатель оказывает размер города: Белгород вдвое меньше Астрахани и втрое — Ростова-на-Дону [Реутов, Колпина, 2010]. Но все сводить к этому фактору было бы неверно, ведь в сравнимом по размеру соседнем Курске уровень анонимного межличностного доверия вдвое ниже. Возможно, что эта особенность Белгорода является следствием наращивания городских функций и сфер деятельности, нуждающихся в профессиональных кадрах, которыми город изначально не располагал. Благодаря этому «приезжие» оказывались в ситуации первопроходцев: им необходимо было выстраивать соседские и профессиональные отношения на новом месте, коммуницируя преимущественно друг с другом, а «местные», получая новые возможности, не испытывали значительной конкуренции со стороны «приезжих», подрывавшей саму возможность доверительных отношений. Другим возможным объяснением является полугородской-полусельский состав населения, сохраняющего традиционные представления об отношениях с соседями и соседской взаимопомощи. Наконец, есть и третья причина — осознание своей принадлежности к успешному городу, что способствует солидаризации его жителей.

Калининград вошел в состав России по результатам Второй мировой войны, сменив свое имя и население. Среди его новых жителей доминировали военнотруженики и члены их семей. Долгие годы город функционировал практически как военный гарнизон и в полной мере ощутил, что такое «психология временщиков», о которой так много говорят на Дальнем Востоке. Отпечаток того времени и сегодня лежит на местном социуме. В любой программе социально-экономического развития Калининграда написано о «социальной разобщенности населения», его «безынициативности» и «отсутствии устоявшихся ценностных ориентиров» [Стратегия..., 2007; Стратегия..., 2013]. До 1991 г. город был закрыт для въезда иностранцев, а после распада СССР оказался в иностранном «окружении»: повседневные контакты населения города с польскими и литовскими соседями стали более интенсивными, чем с российскими регионами. Хотя трансграничные социально-экономические различия между странами Юго-Восточной Балтики не слишком велики,

представления о «цивилизованной» Европе в противовес «дикой» России, где господствуют «мрак, коррупция и водка», породили глубокую фрустрацию населения Калининграда [Себенцов, Зотова, 2013; Колосов, Вендина, 2014]. Сравнительное исследование социального самочувствия жителей приграничных Архангельска, Пскова и Калининграда показало, что калининградцы «живут хорошо, а чувствуют себя плохо» [Исследование социального самочувствия..., 2012]. На общем настроении сказались и процессы интенсивного замещения населения, происходившие на фоне его количественного роста. Все постсоветские годы высокая мобильность калининградцев способствовала оттоку молодых, образованных и активных горожан в Москву, Санкт-Петербург и за рубеж, а исключительное географическое положение — притоку в Калининград мигрантов из других регионов РФ и бывших республик СССР. Дело не только в том, что приезжие проигрывали по своим качественным характеристикам уезжавшему городскому населению, среди них также были молодые и активные люди, обладавшие профессиональными навыками, но и в том, что новые горожане пополняли ряды потребителей городских благ, тогда как часть городского сообщества, ориентированная на участие в их производстве, сокращалась.

Итак, в поле нашего зрения попадают приграничные города, атмосфера жизни в которых подверглась влиянию разных социальных процессов. Для *Владивостока* и *Калининграда* была характерна «негативная селекция» населения, что неизбежно сократило социальный капитал, накопленный социумом в предшествующие годы, и увеличило разрыв между своими и приезжими. *Белгород* и *Хабаровск*, напротив, нарастили свой социальный и культурный капитал, хотя и в разной степени. Если *Хабаровску* удалось удержать достигнутый в советские годы неформальный статус столицы российского Дальнего Востока, то *Белгород* резко возвысился на фоне своего окружения, обретя несвойственные ему ранее столичные функции. *Ростов-на-Дону* и *Астрахань* дают пример относительно устойчивых сообществ, сохранивших основные демографические и социальные параметры, несмотря на близость к зонам конфликтов. Наибольшее влияние на оба города оказало осознание новизны геополитического положения, близости государственной границы, воспринимаемой как «цивилизационный ру-

беж». Типологические различия ситуаций в выбранных городах открывают возможность выявить связь между внутренними процессами, происходящими в социуме, и внешними влияниями, вызванными близостью соседних стран и активными контактами приграничного населения.

Отношение к «другим»: неприятие и толерантность

Требование толерантного отношения к антропологическим, расовым, этническим, религиозным и культурным различиям является в РФ конституционной нормой, за нарушение которой предусмотрено уголовное наказание. Тем не менее «толерантность», установленная властью в одностороннем порядке, не стала частью общественного сознания [Ксенофобские и националистические настроения..., 2015]. Это отчетливо проявляется в приграничных городах, где соседство конкурирующих ценностей и жизненных укладов подчеркивается близостью границы.

Различие государственных юрисдикций легитимизирует притязания жителей каждой из стран на культурную гегемонию на «своей» территории. Хотя требование признания этого факта артикулируется с разной степенью жесткости, оно выдвигается местными жителями в качестве почти обязательного для переселенцев. Без того, чтобы жить по установленным правилам, соответствующим представлениям местных жителей о городской культуре, не мыслится ни «настоящий» калининградец, ни ростовчанин, ни житель Владивостока. Вполне очевидно, что такая позиция наталкивается на несогласие инокультурных меньшинств или граждан соседних стран, также убежденных в правомерности собственных поведенческих и этнокультурных норм. Несмотря на взаимные претензии, эта ситуация находится в состоянии относительного равновесия до тех пор, пока участники городских процессов соблюдают разумную дистанцию и демонстрируют готовность идти на компромиссы там, где это не затрагивает их жизненных принципов. Правило — проверенное веками и тем легче соблюдаемое, чем более развит язык межкультурных коммуникаций. Но если коммуникация нарушена или невозможна из-за отсутствия межличностного доверия, а недолголюбивые друг друга соседи не могут поступиться своими принципами ради разрешения воз-

никающих противоречий (каждый замыкается в своей правоте, стигматизируя взгляды и поведение других как ошибочные, опасные и неправильные, или же полностью их игнорирует), то в воздухе «пахнет керосином». Это тот вывод, к которому приходят многие российские исследователи, предупреждающие об опасностях межэтнических и межкультурных столкновений в городах [Мукомель, 2014].

На первый взгляд такой прогноз имеет высокие шансы оправдаться. Действительно, население приграничных городов болезненно реагирует на приезжих, особенно на представителей других национальностей, не видит особой пользы в их присутствии и полагает, что этот поток следует ограничивать (табл. 2). Везде отмечается низкий уровень межличностного доверия, который еще более снижается в результате интенсивного притока мигрантов. В подобной ситуации, как доказано мировой политической наукой, возможности внутригрупповых и межгрупповых коммуникаций сокращаются [Патнэм, 1996; Коллиер, 2016]. Разобщенные городские сообщества солидарны лишь в разделяемой неприязни к мигрантам и ксенофобии.

Мрачная картина, но торопиться с выводами не стоит. Благополучная реальность рассматриваемых городов заставляет задуматься, во-первых, о справедливости такого вывода, а во-вторых, разобраться, что же скрывается за данными социологии, которые даже на беглый взгляд выглядят противоречивыми.

Действительно, трудно представить себе город, большинство жителей которого не доверяют друг другу, считают вредным присутствие в городе представителей других национальностей, требуют запретительных мер миграционной политики и при этом относятся без предвзятости к другим народам, не сталкивались с межэтническими конфликтами и не ставят проблему «приезжих» на первые места в рейтинге городских проблем. Гипотетически можно вообразить достаточно архаичную ситуацию, заставляющую людей бояться всего неизвестного и друг друга, плохо при этом осознавая источники угроз и страха. Но это неприменимо к крупнейшим городам, расположенным на границах. Их население является современным, владеет всеми актуальными навыками, пользуется разнообразными услугами и иностранной валютой, летает на самолетах, активно выезжает за границу, знает иностранные язы-

ки (хотя бы немного) и имеет значительный опыт межкультурного общения. Значит, должно быть другое объяснение.

Во-первых, во всех городах присутствует значительная группа людей достаточно равнодушных к этнокультурным проблемам, не испытывающих антипатии к другим народам или даже осознающих ценность культурного разнообразия и наличия иных способов жизни. Они смотрят на межэтнические и межкультурные отношения через призму собственного опыта, часто основанного на трансграничных контактах, а не экзистенциальных страхах или гипотетических предположениях. Для них город — это социальная реальность, в которую этнические и культурные факторы вносят разнообразие, а возникающие проблемы связаны с совместным проживанием большого количества людей, а не их этнической принадлежностью.

Во-вторых, понятия «польза» и «вред» при определении роли приезжих в городах могут наделаться несовпадающими смыслами. Как правило, польза имеет экономическое измерение, а вред — социальное. Выгоды получают отдельные люди или группы, а издержки перекалдывается на общество в целом. «Вред» миграции и вызванного ею нарушения привычного социального порядка особенно остро ощущается там, где шли процессы негативной селекции населения и его интенсивного замещения. Влияет и субъективное снижение социального статуса, ощущаемое «коренными» жителями городов, как в Астрахани, где они оказались в ситуации гастарбайтеров, или в Белгороде, где приезжие обладают лучшим образованием, профессиональными навыками и деловыми качествами. Этот сложный клубок проблем, свой в каждом из городов, приводил к переадресации недовольства обстоятельствами собственной жизни на любых «чужаков» — приезжих, кавказцев, китайцев и даже русских из прежних союзных республик [Дубин, 2006].

В-третьих, чем более однородным по каким-либо параметрам, например, по длительности жизни в городе, является социум, тем с большей настороженностью он относится к привносимым изменениям и тем с большей вероятностью бытовые столкновения и неприязнь будут рассматриваться в качестве подтверждения реальности угрозы конфликтов. Сам факт роста культурного разнообразия за счет миграций — одно из условий городского развития — рассматривается как

объективная предпосылка межнациональной и межконфессиональной напряженности. Так, в Ростове-на-Дону основной причиной отторжения «других» называется то, что «люди других национальностей хотят заявить себя хозяевами на этой земле», на втором месте стоят различия в поведении людей и их образе жизни [Сериков, 2013]. Похожую тревогу в отношении мигрантов и переселенцев испытывают жители Астрахани [Зелетдинова, 2015].

В-четвертых, следует упомянуть и геополитический фактор⁵. Фрустрация населения из-за утраты Россией своего значения в мировой политике, ощущение жизни в стране, бесплодно растратившей свои ресурсы, рождает страхи и неуверенность, независимо от справедливости подобных оценок [Национальная гордость..., 2016]. Разрушение представлений о государстве как надежном защитнике от внешних опасностей искажает картину мира и заставляет видеть в росте этнокультурного разнообразия угрозу культурного насилия, агрессии и экспансии. «Главным фактором риска является геополитическое положение Астрахани в Каспийском регионе, на границе с исламским миром и на перекрестке миграционных путей, что, соответственно, повышает конфликтогенность самого региона и опасность спонтанного возникновения межличностных и межэтнических конфликтов. Риском является и близость северокавказских республик...» [Топчиев, 2013, с. 104]. Похожие высказывания о культурных и геополитических границах как источнике угроз, полные чувства обреченности, можно встретить в отношении любого из выбранных нами приграничных городов. О влиянии геополитики на негативное восприятие роста культурного разнообразия свидетельствует и изменение отношения к нему за последние несколько лет. Хотя это только предположение, тем не менее фиксируемое опросами снижение градуса ксенофобии совпадает по времени с укреплением авторитета Российского государства в глазах его граждан после начала украинских событий, присоединения Крыма, вступления России в сирийскую войну и противостояния мировому политическому давлению [Ксенофобские и националистические настроения..., 2015].

5 Детальный анализ влияния геополитического статуса государства на характер межэтнических отношений в стране приведен в статье [Collins, 1999].

Предпринятая попытка объяснить зашкаливающие показатели нетерпимости в городских сообществах (табл. 2) не пещерной ксенофобией, а иными факторами, конечно, не означает, что проблема межэтнических и шире — межкультурных противоречий в городах является надуманной. Вовсе нет, но ее масштабы иные, нежели следует из лобовой интерпретации данных опросов. Несмотря на алармистские прогнозы, в крупных российских городах сохраняется спокойная атмосфера жизни, следовательно, существует множество факторов, мотивирующих людей к поддержанию установившегося социального порядка, за которыми могут стоять как прагматические интересы, так и ценностные установки, не позволяющие переступить порог взаимной толерантности.

Города и ценности горожан

Личные ценности и приоритеты являются одним из важнейших источников мотивации поведения людей, определяя склонность человека к сотрудничеству в решении общих вопросов или, напротив, отказ от него, концентрацию на собственных целях и интересах. В применении к современному обществу Р. Инглхарт предложил различать ценности материального благополучия, названные им ценностями «выживания», и постматериальные, выдвигающие на первый план самовыражение и качество жизни [Инглхарт, Вельцель, 2011]. В первом случае для человека характерно ощущение конкуренции за жизненно важные ресурсы и стремление к их присвоению, во втором — логика обладания сменяется логикой доступности использования, а удовлетворенность жизнью зависит от ее разнообразия. Меняется и характер связей в обществе. «Выживание» предполагает приоритет внутригрупповых связей, возникающее в этом случае межличностное доверие сочетается с сильным недоверием к индивидам и группам, которые не входят в ближний круг. Стремление к «самовыражению» массово появляется в условиях решенности основных проблем выживания и опирается на межгрупповые связи. Их разнообразие становится условием удовлетворенности жизнью. Конечно, такое разделение условно, в реальности оба вида связей и различные системы ценностей существуют совместно и одновременно, вопрос лишь в количестве лиц, разделяющих то или иное мировоззре-

ние, что, конечно, сказывается на атмосфере городской жизни.

Если взглянуть на репертуар ценностей, разделяемых населением выбранных городов, то он не содержит неожиданностей (табл. 3). Как и везде в России, материальное благополучие и ощущение стабильности ценятся выше интересной работы, новых впечатлений, свободы и возможностей самореализации. Но это не значит, что вся жизненная энергия людей уходит на «выживание». Горожанам вовсе не чужды ценности самовыражения и чувство собственного достоинства, хотя их приверженцы находятся в явном меньшинстве. Несмотря на общее сходство ситуации, практически в каждом из рассматриваемых приграничных городов существуют выраженные особенности, способные

сыграть позитивную или негативную роль в ситуации интенсификации межкультурных контактов.

Прежде всего, поражает нигилизм жителей Владивостока: это единственный случай, когда значительная часть людей фактически отказалась обсуждать вопрос о ценностях с интервьюерами, выбрав графу «затрудняюсь ответить» или «ничего из перечисленного». Семья, комфорт в быту и личный достаток формируют тройку основных ценностных приоритетов владивостокцев, а замыкают список чувство собственного достоинства и уважение окружающих. Что из этого следует?

«Комфорт в быту» — это важная составляющая жизненного комфорта, который включает множество параметров — от состояния здоровья до качественного потребления,

Таблица 3. Иерархия ключевых ценностей жителей приграничных городов Российской Федерации, %

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
Взаимопонимание в семье	40	88	87	71	63	78
Ощущение стабильности, уверенность в завтрашнем дне	25	59	48	45	26	52
Общение с близкими, друзьями, знакомыми	29	54	48	73	35	45
Деньги, достаток	37	56	45	34	40	45
Интересная работа	19	32	37	26	24	23
Комфорт в быту	38	39	33	34	19	37
Вера, религиозные убеждения	9	8	32	7	23	29
Чувство собственного достоинства	8	14	19	12	11	27
Спокойная совесть	16	13	21	27	16	20
Свобода, независимость	13	18	18	15	26	22
Свободное время, отдых	19	13	14	38	9	12
Уважение окружающих	6	14	24	26	12	9
Карьера, продвижение по службе	12	14	19	16	19	9
Творчество, самореализация, увлечения, хобби	13	14	13	25	6	8
Новые впечатления	8	7	5	9	10	6
Уединение, возможность побыть одному	3	4	4	7	2	3
Затрудняюсь ответить	8	1	0	0	0	0
Ничего из перечисленного	9	0	0	0	0	0

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, апрель 2014 г.

от интересной работы до социальной справедливости и удовлетворенности местом и средой жизни. Многие пункты этого перечня во Владивостоке далеки от желаемого идеала: более половины его жителей не удовлетворены состоянием дел в городе и регионе,

называя среди главных проблем низкий уровень доходов, состояние сферы ЖКХ, дорог, основных социальных служб и алкоголизм (табл. 4).

Степень влияния конкретного человека на изменение общей ситуации и повышение

Таблица 4. Удовлетворенность положением дел в городе и основные проблемы

	Владивосток	Хабаровск	Астрахань	Ростов-на-Дону	Белгород	Калининград
<i>Если говорить в целом, Вы довольны или недовольны положением дел в городе?</i>						
Доволен(-а)	52	56	53	53	73	41
Недоволен(-а)	44	42	41	41	22	48
Затрудняюсь ответить	4	2	6	6	5	11
<i>Какие социальные и экономические проблемы города в последнее время волнуют Вас больше всего?</i>						
Алкоголизм	24	25	32	23	21	12
Качество социального обеспечения, социальной защиты населения	15	16	24	21	16	21
Коррупция, взяточничество в органах власти	13	16	23	24	25	24
Коррупция, взяточничество в правоохранительных органах, в судебной системе	8	10	16	17	10	9
Наркомания	20	20	25	25	16	7
Недоступность, дороговизна жилья	31	31	30	23	30	24
Неудовлетворительное состояние ЖКХ	16	29	27	28	21	32
Высокие цены на услуги ЖКХ	55	65	61	59	58	42
Низкий уровень зарплат	44	32	52	38	43	40
Низкий уровень пенсий, стипендий, пособий	27	23	30	36	32	20
Положение дел в сельском хозяйстве	7	7	6	4	4	8
Положение дел в сфере промышленного производства	7	8	7	9	6	5
Преступность	13	6	5	6	3	2
Рост цен на товары и услуги	59	48	46	50	56	58
Ситуация в сфере здравоохранения	28	26	18	22	24	31
Ситуация в сфере образования	9	8	8	8	16	6
Ситуация с занятостью населения, с безработицей	6	7	14	11	15	17
Ситуация с приезжими, мигрантами, конфликты на межнациональной почве	16	6	6	8	7	18
Состояние дорог, ситуация на дорогах	15	29	20	27	5	21
Экологическая ситуация, состояние окружающей среды	6	7	10	13	5	8

Источник: Региональные опросы Фонда «Общественное мнение»: МегаФОМ, 2014–2015 гг.

уровня жизненного комфорта относительно невелика, однако индивидуальные усилия позволяют обеспечить себе «комфорт в быту», который начинает ассоциироваться с «достойной жизнью». Это ощущение усиливается массовой рекламой, акцентирующей эту сторону потребления, и близостью границы, что облегчает попадание в потребительский рай, где «выбор больше, а цены ниже». Обратной стороной сведения жизненного комфорта к бытовому становится уклонение от участия в совместной деятельности, направленной на защиту социальных прав. Неопределенность будущего и неустойчивость деградирующей социально-экономической ситуации, распространенность мнения об «оторванности» Владивостока от остальной территории страны и его «заброшенности», диффузное недовольство способствуют восприятию общих интересов как фикции и бесплодной траты времени.

Эти выводы подкрепляет и невосприятие владивостокцами «чувства собственного достоинства» и «уважения окружающих» как значимых ценностей. Оба понятия взаимосвязаны и обладают двойной коннотацией, отсылающей либо к правам человека и личностной самореализации, либо к мнению других и внешней оценке персональных достижений. Большую роль играет не только масштаб персональных свершений, но причастность к общему делу. Концентрация на достижениях только для себя и отказ от общественного признания свидетельствуют о социальной дезинтеграции городского населения, однако самими людьми может восприниматься не как социальный нигилизм, а как независимость. Такое состояние социума исключает возможность групповой солидаризации, но оно таит в себе другую опасность — снижение иммунитета к асоциальным явлениям, экстремизму и радикализму. При современных технологических возможностях агрегатное состояние общества становится ресурсом одномоментной мобилизации, направляющей недовольство «всем на свете» на конкретные цели, в том числе против «иных», «других», «чужих». Похожая ситуация сложилась и в Калининграде. Здесь также диффузное недовольство сочетается с высокой ценностью «комфорта в быту», а «чувство собственного достоинства» по своей значимости намного опережает ценность «уважения окружающих», свидетельствуя о завышенной самооценке на фоне испытываемой фрустрации.

Совсем иначе выглядит ценностный ряд жителей Ростова-на-Дону. Хотя здесь, так же, как везде, ценности «выживания» играют для людей первостепенную роль, ростовчане придают очень большое значение дружбе и общению, а ценность «свободного времени» ставят вровень с материальным достатком. Можно ли эту ситуацию трактовать как переход от ценностей «выживания» к ценностям «самовыражения»? Сомнительно. При взгляде на данные опросов возникают сильные ассоциации с советским периодом. В тех условиях ценность свободного времени, декларируемая в рамках концепции «всестороннего развития творческого потенциала личности», нивелировалась необходимостью его использования для решения задач выживания, стояния в очередях и решения многочисленных проблем повседневности [Наймер, 1992]. Она также легитимировала «право» на бездельность, хотя бездельники всячески осуждались. Похожие метаморфозы происходят и с ценностью общения и дружбы. Дружба — это не только проявление индивидуальных чувств и качеств, но и полезные связи, несущие с собой возможность решения многих проблем — от бытовых до карьерного роста, исходя из принципа «ты мне, я тебе» [Голов, 1995]. Дружба — это также один из каналов поддержания взаимной лояльности. Похоже, что ростовский социум, в наименьшей степени подвергшийся влиянию миграций и замещения населения, воспроизводит устойчивые представления о «правильных отношениях» между людьми, транслируемые через семью и институты социализации. Здесь по-прежнему сильны внутригрупповые связи, обеспечивающие социальную защиту человека, но и повышающие значение межгруппового размежевания. В этой ситуации ксенофобия, канализируя недовольство политическими, социальными и бюрократическими институтами, значительно повышает риски столкновения групповых интересов. Однако диффузная «дружба» (друг моего друга — мой друг) и «куначество»⁶, предполагающие взаимные обязательства и вмешательство в дела других

6 Куначество, или побратимство, — это институт, распространенный среди народов Кавказа и объединяющий мужчин, принадлежащих к разным семьям, родам, кланам, народам. Делом чести для кунаков является предоставление друг другу помощи, убежища и защиты. Невыполнение кунаком своих обязательств, как правило, влечет за собой социальные (а иногда и физические) санкции, лишает его своеобразной охранной грамоты.

на стороне «друга», позволяет гасить большинство конфликтов на начальной стадии. Тем не менее групповое противостояние способно выходить из-под группового контроля, поэтому, осознавая или инстинктивно ощущая эту угрозу, общество и власть обращаются к поиску объединительных идей, связывая их с «цивилизационными вызовами», «геополитическими расколами», «евразийским единством», национально-государственной идентичностью и другими зонтичными конструкциями. Близость границы из фактора потенциальной дестабилизации превращается в фактор сплочения городского социума.

Третье соображение, которое возникает при анализе репертуара ценностей жителей приграничных городов, касается роли религии в мировосприятии людей. Почему жители Ростова-на-Дону, Хабаровска и Владивостока не придают ей большого значения, а Калининграда, Астрахани и Белгорода, наоборот, считают «веру» важнейшей ценностью? При этом все названные города являются секулярными, а среди их жителей, подавляющее большинство которых являются последователями христианской традиции, лишь небольшая часть следует религиозным предписаниям и регулярно посещает храмы. Хотя этот вопрос требует дальнейших исследований, можно предположить, что здесь свою роль играет целенаправленная политика региональных властей, акцентирующая принадлежность городов к русскому и православному миру. Там, где религии придается большое значение, православие становится маркером этничности и одновременно национальной идентичности, приводя к причудливым сочетаниям ценностных приоритетов. Например, в Калининграде — нигилизма и веры, в Белгороде — независимости и религиозных убеждений, а в Астрахани — веры и богатства.

Города на границах РФ: промежуточный итог

Отправным пунктом предпринятого анализа было желание понять, в какой мере представления жителей приграничных городов РФ, испытывающих на себе как позитивное, так и негативное влияние соседства с другой страной, поддерживают установившийся социальный порядок, а в какой способны подорвать его в силу миграционных процессов, роста этнокультурного разнообразия, распространения ксенофобии и недовольства жизнью. Такая постановка вопроса не пред-

полагает однозначного ответа, поскольку городские сообщества весьма неоднородны и характеризуются ценностным, языковым, этническим, конфессиональным и жизненно-стилевым многообразием. В рассмотренных городах можно выделить по меньшей мере следующие группы:

1. *Конформистское большинство* населения, ориентированное на ценности «выживания». Его конформизм проявляется в разных формах — от готовности подчиняться установленным правилам до самоустранения от социальной деятельности, несмотря на несогласие с существующим порядком. Претензии на культурную гегемонию, признаваемую по умолчанию («коренные жители»), вполне сочетаются с нигилизмом, основанным на идеях индивидуализма и «свободы от общества». Конформизм городского населения составляет серьезную проблему городского развития, поскольку предполагает уклонение от ответственности, исключает активную позицию и препятствует развитию демократии участия. Однако это только одна сторона влияния конформизма на городскую жизнь. Не будем забывать, что чувство формальной принадлежности к городскому сообществу является способом преодоления возникающего отчуждения людей в больших городах. Страх оказаться в изоляции, выделяться из толпы, быть иным внутренне принуждает людей к социальному «послушанию». В этом смысле индивидуальность человека растворяется в групповой принадлежности, а конформизм и подчинение социальному порядку становятся значимой интегрирующей силой, препятствующей конфликту идентичностей.

2. *Нонконформистское меньшинство*, для которого ценности «самовыражения» не менее важны, чем ценности «выживания». Представители этой группы отдают приоритет личностным качествам человека, индивидуальным, а не групповым правам или этнокультурным различиям. Их мышление и представления могут быть как более гражданственными, так и более эгоистическими. Наличие гражданственно настроенных групп способствует выстраиванию доверия к «другим», ориентации на диалог и поддержанию социальной кооперации. Такие люди есть во всех, даже наиболее нигилистически настроенных Владивостоке и Калининграде.

3. *Разрозненные сообщества*, объединенные чувством принадлежности к определенной религии, этносу, диаспоре, землячеству, товари-

ществу и проч. Сильное внутреннее доверие в кругу «своих», как правило, дополняется столь же сильным недоверием ко всем «другим». В случае диаспор осознание групповой идентичности усиливается близостью к стране или региону, где в той или иной форме реализована этническая государственность. Во всех рассмотренных нами городах такие группы являются меньшинствами, включая казаков в Ростове-на-Дону. Если же такие объединения возникают на основе декларации «русскости» или «православности», то они также придерживаются меньшинской психологии.

4. *Недавние переселенцы*, которые во всех выбранных городах составляют значительную группу населения. Поскольку мотивы смены места жительства могут быть очень разными — от улучшения материального положения до поиска интересной работы и возможности самореализации, то и люди, адаптируясь к новым условиям жизни, выбирают стратегию поведения, соответствующую их устремлениям, пополняя различные социальные когорты. Несмотря на то, что именно переселенцы, перенося свои представления и привычный образ жизни на новое место, заметно меняют городскую атмосферу и городскую среду, они в наибольшей степени стремятся вписаться в городской порядок и быть «как все».

5. *Временные и трудовые мигранты* — наиболее бесправная часть городского населения. Приспосабливаясь к условиям жизни в городе и решая свои задачи, они стремятся к интеграции в рынок труда, но не городской социум. Нередко находя приложное своим силам в теневой экономике, они формируют «второе общество» со своими сервисными институтами, включая риелторов, врачей, юристов, посредников и проч. Этот спрос поддерживает функционирование неформальных и диаспоральных структур в городах, обеспечивающих социальную организацию «второго общества», включая и ее криминальные формы.

Выраженный плюрализм городских сообществ несет в себе как потенциал сдерживания конфликтов, так и их эскалации. Недостаток ресурсов продвижения групповых интересов заставляет, как правило, трезво оценивать ситуацию и искать компромиссные решения, а их «избыток» или завышенная самооценка толкают на безответственные шаги, борьбу за гегемонию и

передел власти, что неоднократно происходило в истории.

Среди ключевых факторов «сдерживания» конфликтов, помимо дефицита ресурсов власти, можно назвать, *во-первых*, наличие прагматичной заинтересованности *всех* членов городских сообществ в поддержании социального порядка, дающего каждому возможность достичь своих целей, и, *во-вторых*, поддержание городских привычек. Сохранность традиционных, возможно, даже архаичных моделей поведения, исторически выполнявших функции тушения конфликтов в зародыше, позволяет реализовывать социальный контроль без привлечения силовых структур и не допускать перерастания межличностных стычек в межгрупповое противостояние. В качестве примера можно привести Ростов-на-Дону и перенятый ростовчанами кавказский институт «куначества».

Среди факторов «эскалации» конфликтов, также порождаемых плюрализмом, основными являются, *во-первых*, наличие организованных и мобилизованных групп с четко артикулированным чувством принадлежности и не менее четко обозначенным неприятием «других». Близость формальных и неформальных границ облегчает подобное самоопределение. *Во-вторых*, «атомизированность» городского сообщества, концентрация людей на личных проблемах, низкий уровень межличностного доверия и слабость социальных групп, способных его выстраивать. Это позволяет периодически возникающим харизматичным лидерам выступать от имени «большинства» и открывает перед ними возможность массового внушения через апелляцию к экзистенциальным угрозам.

Все перечисленные факторы можно найти в каждом из приграничных российских городов. Но сегодня они скорее гасят, нежели усиливают друг друга. Причина не только в том, что различия благополучно тонут в безразличии, а вербальная агрессия не перерастает в действие, но и в общем стремлении к стабильности, коллективном конформизме, что предполагает сохранение установившегося *статус-кво* в рамках существующих ограничений, включая и конституционно установленную толерантность. Отсюда, конечно, не следует, что ситуация не может развернуться в иную сторону, особенно под давлением внешних дестабилизирующих обстоятельств.

Заключение

Последовательное рассмотрение ситуации межкультурных взаимодействий в приграничных городах Российской империи и современной России показывает, что не политический режим или государственная система ответственны за межкультурное согласие. Большее значение имеет плюрализм городских сообществ и признание его жителями этого факта. Города, где культурные элиты стремились к преодолению плюрализма, вытеснению «других» из политического поля, переживали серию конфликтов, поводом для которых становились культурные различия. Изживая плюрализм, они теряли и способность к адаптации культурного разнообразия. Итогом становился отток населения и провинциализация города. Вместе с тем сохранение и поддержание плюрализма общества — это непростая задача, требующая значительной политической гибкости и адаптивности социума. Городским властям, подвергающимся значительному влиянию групп местных лоббистов, не по силам справиться с этой проблемой. Хотя наличие выраженной городской идентичности и привязанность к своей малой родине объединяют людей, городской патриотизм выполняет одновременно функции инклюзии и эксклюзии. Поэтому город скорее отвечает за производство и освоение разнообразия, взаимную адаптацию своих жителей, а роль арбитра, определяющего правила функционирования плюралистических обществ, принадлежит государству. Наиболее эффективным механизмом, который предполагает «единство

в разнообразии» и «примирение непримиримого», является национальное единство. Оно устанавливает равенство всех членов общества, независимо от их культурной или этнической принадлежности, расовых отличий или вероисповедания, если, конечно, само государство не становится разрушительной силой, будучи слепо к плюрализму общества и сводя принцип национального равенства к одинаковости граждан. Вместе с тем ощущение национального единства является очень уязвимым, оно нуждается в постоянной поддержке общественного мнения, «ежедневного плебисцита», по образному выражению Э. Ренана, и зависит от многих субъективных факторов, в том числе и от сравнения «себя» с «другими». Как показывает анализ ситуации в приграничных городах, для его поддержания недостаточно ни патриотических настроений, ни символической политики. Наряду с ними нужны функциональные институты, позволяющие, во-первых, встраивать новых членов сообщества в уже существующую систему с учетом их гражданства и статуса, а во-вторых, способствовать интеграции принимающего сообщества, что является не менее важной задачей, чем интеграция его новых членов. В этом смысле испытание культурным разнообразием состоит в умении выстроить компромиссы между ценностными реалиями вчерашнего и сегодняшнего дня, между индивидуальными, групповыми и национальными идеалами, и здесь власти, думающей о будущем, принадлежит роль посредника или «менеджера», а не наблюдателя городских процессов.

Источники

- Арутюнян Ю.В. (1999) О национальных отношениях в постсоветских обществах: межличностный аспект // СОЦИС. Социологические исследования. № 4. С. 58–62.
- Вавилова В.В., Кайгородова А.Ф., Коротаева Ю.В., Мяленко Ю.В., Панов П.В. (2014) Политизация русских меньшинств в странах постсоветского пространства // Вестник Пермского университета. Политология. № 1. С. 126–145.
- Вишневецкий А.Г. (2000) Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. № 3. С. 115–130.
- Голов А.А. (1995) Ценность и реальность дружбы у россиян // Информационный бюллетень мониторинга общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 С. 41–44.
- Гранберг А.Г. (2011) Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. № 2. С. 9–18.
- Дубин Б. (2006) Всеобщая адаптация как тактика слабых // Неприкосновенный запас. № 6 (50). С. 33–59
- Заусаев В.К., Воронцова Л.С. (2007) Социальный портрет жителя Хабаровска // СОЦИС. Социологические исследования. № 4. С. 91–95.
- Зелетдинова Э.А. (2015) Трансформация этноструктуры Астраханской области // ПОЛИС. Политические исследования. № 6. С. 144–156.

- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- Исследование социального самочувствия населения в городах Архангельск, Псков и Калининград (2012) / Центр социальных измерений «Фокус». Режим доступа: <http://center.ngogarant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf> (дата обращения: 15.11.2016).
- Коллиер П. (2016) Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Колосов В.А., Вендина О.И. (2014) Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. № 4. С. 7–29.
- Коткин С. (2016) Вечная геополитика России // Россия в глобальной политике. № 4. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270> (дата обращения: 15.11.2016).
- Кривошеев В.В. (2009) Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // СОЦИС. Социологические исследования. № 3. С. 57–67.
- Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. (2015) / Левада-центр. Пресс-выпуск. 25 августа. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Медведева Л.М. (2012) Региональные проблемы как следствие политики экстенсивного развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4. С. 95–99.
- Мельвил А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И. и др. (2009) Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008 – начало 2009 гг.): аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет.
- Мукомель В.И. (2014) Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
- Наймер Ю.Л. (1992) От кризиса общества к кризису труда // СОЦИС. Социологические исследования. № 5. С. 23–32.
- Национальная гордость (2016) / Левада-центр. Пресс-выпуск. 30 июня. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Озеров А.А. (2015) Возрождение казачества: идеи и социальная практика: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. Спец.: 09.00.11.
- Патнэм Р. (1996) Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Реутов Е.В., Колпина Л.В. (2010) Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. № 3. С. 40–48.
- Себенцов А.Б., Зотова М.В. (2013) Потенциал экономико-географического положения Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. № 4. С. 113–131.
- Сериков А.В. (2013) Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. № 3. С. 35–39.
- Стратегии развития Калининградской области (2007) / под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Стратегия социально-экономического развития ГО «Город Калининград» на период до 2035 года (2013) // Официальный сайт администрации городского округа «город Калининград». Режим доступа: <http://www.klgd.ru/economy/strategy/> (дата обращения: 15.11.2016).
- Суций С.Я., Тумакова Ж.А., Иванов А.В., Андросова С.В. (2014) Динамика северокавказских диаспор в областях и краях Юга России – численность, география, конфликтный потенциал (современные тенденции) // Электронный научный журнал «Инженерный вестник Дона». № 3. Режим доступа: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2594> (дата обращения: 15.11.2016).
- Топчиев М.С. (2013) Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань. № 1. С. 99–104.
- Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2014) Внутренняя миграция и российский рынок труда // Миграция и рынок труда: аналитический доклад. М.: РАНХиГС. С. 21–56.
- Цымбурский В.Л. (1993) Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. Политические исследования. № 5. С. 6–30.
- Collins R. (1999) “Balkanization” or “Americanization”: A Geopolitical Theory of Ethnic Change // Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford: Stanford University Press. P. 70–109.
- Meleshkina E. (2010) Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and “nationalizing” politics // Nationalism and Democracy. Dichotomies, complementarities, oppositions. N.Y.: Routledge. P. 149–169.
- Zhurzhenko T. (2010) Borderlands into the Bordered Lands. Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine. Stuttgart: ibidem-Verlag.

O. VENDINA

THE CITIES ON THE BORDER: THE ETHNO-CULTURAL DIVERSITY TEST

THE CITIES ON THE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION
(PART 2)

Author: *Olga Vendina*, Ph.D. in Social Geography, leading researcher at the Institute of Geography, PAS.

E-mail: o.vendina@gmail.com

Abstract

In the second part of this article, the author examines the situation in Russia's borderlands, focusing on the cities of Vladivostok, Khabarovsk, Astrakhan, Rostov-on-Don, Belgorod, and Kaliningrad. Since the end of the Soviet Union, these cities have been major arrival, departure, and destination points for migration to and from the central, southern, and western regions of the Russian Federation and abroad. Multidirectional migration in these cities has led to structural changes in their populations, their urban decline or rejuvenation, the emergence of new ethno-cultural groups, and the replacement of local populations by newcomers. This paper examines the personal values of these cities' inhabitants and their hierarchy of priorities. The author evaluates the mindsets of people who live in cities along Russia's borders and who feel both the positive and negative impacts of the border's proximity in their lives. She also takes a look at how these residents try to maintain social order and intercultural cohesion in light of migration waves, growing diversity, the spread of xenophobia, and a sense of uprootedness.

Key words: plurality; ethno-cultural diversity; border cities; migration; Russian Federation; Vladivostok; Khabarovsk; Astrakhan'; Rostov-on-Don; Belgorod; Kaliningrad

References

- Arutyunyan Yu.V. (1999) O natsional'nykh otnosheniyakh v postsovetskikh obshchestvakh: mezhlchnostnyj aspekt [On national relationships in the Post-soviet societies: interpersonal dimension]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 58–62.
- Vavilova V.V., Kajgorodova A.F., Korotaeva YU.V., Myalenko YU.V., Panov P.V. (2014) Politizatsiya russkikh men'shinstv v stranakh postsovetskogo prostranstva [Russian Minorities Politicization in Post-Soviet Countries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no 1, pp. 126–145.
- Vishnevskij A.G. (2000) Raspad SSSR: etnicheskie migratsii i problema diaspor [Disintegration of the USSR: ethnic migration and problem of Diaspora]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 115–130.
- GolovA.A. (1995) Tsennost' ireal'nost' druzhby u rossiyan [Value and the reality of friendships among the Russians]. *Informatsionnyj byulleten' monitoringa obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye pereмены*, no 5, pp. 41–44.
- Granberg A.G. (2011) Vozmozhny li raspad ili szhatie Rossii? [Is it possible disintegration or shrinkage of Russia?]. *Region: ehkonomika i sotsiologiya*, no 2, pp. 9–18.
- Dubin B. Vseobshhaya adaptatsiya kak taktika slabykh (2006) [Total adaptation as a tactic of weak people]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 6 (50), pp. 33–59.
- Zausaev V.K., Vorontsova L.S. (2007) Sotsial'nyj portret zhitelya Khabarovska [Social portrait of the Khabarovsk's resident]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 91–95.
- Zeletdinova Eh.A. (2015) Transformatsiya etnostruktury Astrakhanskoj oblasti [The ethno-structural transformation in the Astrakhan' region]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 144–156.
- Inglkharth R., Vel'tsel' K. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniyai demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence]. M.: Novoe izdatel'stvo. (Biblioteka Fonda "Liberal'naya missiya")
- Issledovanie sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya v gorodakh Arkhangel'sk, Pskov i Kaliningrad* (2012) [The comparative survey of social feeling in Arkhangelsk,

- Pskov and Kaliningrad] / Tcentr sotsial'nykh izmerenij "Fokus". Available at: <http://center.ngogarrant.ru/Flipbook/files/inc/1329570966.pdf> (accessed 15.11.2016).
- Collier P. (2016) *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus. How migration is changing our world]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Kolosov V.A., Vendina O.I. (2014) Geopoliticheskoe videnie mira, identichnost' i obrazy drug druga v predstavleniyakh molodykh zhitelej Kaliningrada, Gdan'ska i Klajpedy [The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other]. *Baltiiskij region*, no 4, pp. 7–29.
- Kotkin S. (2016) Vechnaya geopolitika Rossii [Russia's perpetual geopolitics]. *Rossiya v global'noj politike*, no 4. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vechnaya-geopolitika-Rossii-18270> (accessed 15.11.2016).
- Krivosheev V.V. (2009) Korotkie zhiznennye proekty: proyavlenie anomii v sovremennom obshhestve [The short life projects as a result of social anomia of contemporary society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 3, pp. 57–67.
- Ksenofobskie i natsionalisticheskie nastroeniya sredi rossiiyan: dannye reprezentativnykh oprosov 2002–2015 gg. (2015) [Xenophobic and nationalistic mindsets among the Russians: the data of representative survey of the 2002–2015]. *Levada-Tsentr. Press-vypusk*, 25.08. Available at: <http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/> (accessed 15.11.2016).
- Medvedeva L.M. (2012.) Regional'nye problemy kak sledstvie politiki ehkstensivnogo razvitiya [Regional problems as a result of extensive development policy]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no 4, pp. 95–99.
- Mel'vil' A.Yu., Il'in M.V., Makarenko B.I. et al. (2009) *Potentsial mezhdunarodnogo vliyaniya i ehffektivnost' vneshnej politiki Rossii (2008 – nachalo 2009 gg.)* [The potentiality of international influence and effectiveness of the Russian foreign policy]: Analiticheskij doklad. M.: MGIMO-Universitet.
- Mukomel' V.I. (2014) Ksenofobiya imigrantofobii v kontekste kul'tury doveriya [Xenophobia and migrant's phobia in the context of culture of trust]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 137–166.
- NajmerYu.L. (1992) Ot krizisa obshhestva k krizisu truda [From crises of society to crises of labor]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 23–32.
- Natsional'naya gordost'* (2016) [A sense of national pride] / Levada-Tsentr. Press-vypusk. 30.06. Available at: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (accessed 15.11.2016).
- Ozerov A.A. *Vozrozhdenie kazachestva: idei i sotsial'naya praktika* (2015) [The Cossacks revival: the ideas and social practice]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu. Spets.: 09.00.11.
- Putnem R. (1996) *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii* [Making democracy work. Civic tradition in modern Italy]. M.: Ad Marginem.
- Reutov E.V., Kolpina L.V. (2010) Sotsial'noe doverie v regional'nom soobshhestve [The social trust in regional society]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*, no 3, pp. 40–48.
- Sebentsov A.B., Zotova M.V. (2013) Potentsial ehkonomiko-geograficheskogo polozheniya Kaliningradskoj oblasti: ogranicheniya i perspektivy realizatsii [Geography and economy of the Kaliningrad region: limitations and prospects of development]. *Baltiiskij region*, no 4, pp. 113–131.
- Serikov A.V. (2013) Vliyanie urovnya grazhdanskoj identichnosti na ehkstemizatsiyu mezhnatsional'nykh otnoshenij v regione [The impact of civic identity development on radicalization of the interethnic relationships in the regions]. *Vestnik Rossijskoj akademii estestvennykh nauk*, no 3, pp. 35–39.
- Strategii razvitiya Kaliningradskoj oblasti* (2007) [The strategy of development of the Kaliningrad Region] / A.P. Klemeshevai, V.A. Mau (eds). Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta.
- Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya GO "Gorod Kaliningrad" na period do 2035 goda* (2013) [The strategy of social and economic development of the city of Kaliningrad until 2035]. Ofitsial'nyj sayt administratsii gorodskogo okruga "gorod Kaliningrad". Available at: <http://www.klgd.ru/economy/strategy/> (accessed 15.11.2016).
- Sushhij S.YA., Tumakova ZH.A., IvanovA.V., Androsova S.V. (2014) Dinamika severokavkazskikh diaspor v oblastiakh i krayakh Yuga Rossii – chislennost', geografiya, konfliktnyj potentsial (sovremennye tendentsii) [Dynamics of the North Caucasus's Diaspora in the Regions of Southern Russia – number, geography, and potentiality of conflicts]. *Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal "Inzhenernyj vestnik Dona"*, no 3. Available at: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2594> (accessed 15.11.2016).
- Topchiev M.S. (2013) Spetsifika gosudarstvennoj politiki regulirovaniya konfessional'nykh otnoshenij v poliehtnichnom regione (na primere Astrakhanskoj oblasti) [The specificity of the State policy for confessional issues in the multi-ethnic region (by an example of Astrakhan' Region)]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kul'tura. Astrakhan'*, no 1, pp. 99–104.
- Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rajon, stranaimir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, region, country and globe.

- The development of Russia by a geographer's optic]. M.: Novyj khronograf.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtychyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2014) Vnutrennyaya migratsiya i rossijskij ry-nok truda [Interregional migration and the Russia's labor market]. *Migratsiya i ry-nok truda: analiticheskij doklad*. M.: RANKHiGS, pp. 21–56.
- Tsyburskij V.L. (1993) Ostrov Rossiya. Perspektivy rossijskoj geopolitiki [The island of Russia]. *POLIS*, no 5, pp. 6–30.
- Collins R. (1999) "Balkanization" or "Americanization": A Geopolitical Theory of Ethnic Change // Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press, pp. 70–109.
- Meleshkina E. (2010) Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and "nationalizing" politics // *Nationalism and Democracy. Dichotomies, complementarities, oppositions*. N.Y.: Routledge, pp. 149–169.
- Zhurzhenko T. (2010) *Borderlands into the Bordered Lands. Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag.